

Припарковал машину, наконец-то вышел из нее. Кайф. Ноги немного затекли от долгого пребывания в одной позе. Покурил, не спеша затягиваясь. Дома не покуришь, дома Верка, при детях нельзя. Хотя, конечно, не ребенок она уже — 18 лет, горящие глаза, ветер в голове. Уезжая в эту командировку, пару раз ёкнуло у меня в груди сомнение в том, стоит ли ее оставлять одну на неделю, но в конце концов я решился. Дело выгорело, договор подписан. По правде, она не была мне дочерью. Верка — ребенок бывшей жены от первого брака, да так уж сложилось, что ребенок не нужный. Оля, ее мать, бросила ее и заодно меня почти год назад, укатила с каким-то непонятным заграницу. С тех пор высылала деньги, которые я откладывал на Веркино счастливое будущее, звонила пару раз в месяц. Создавала иллюзию заботы. Да я и рад был. Проблем с Верой не было почти — прилежная, скромная, шумных компаний домой не водит, пьяная не показывается. А то, что от нее иногда табаком несет — ну это я решил не замечать. Сам не без греха. Совершенно некультурно бросив бычок под ноги, открыл заднюю дверь машины, вытащил оттуда спортивную сумку с вещами и портфель для документов. Рядом проходила стайка девочек — мини, макияж, каблук. Охотницы, конечно.

— Привет, — они разом улыбнулись как под копирку.

— Привет, — из вежливости ответил я.

— Твоя машина, красивый? Прокати! — рассмеялись так, будто тут перед ними Эдди Мерфи надрыдается. Ну это бывает, это я привык даже. Ничего не ответил, а зачем? Только время терять. Ну прокачу я одну-двух ради быстрого секса и неумелого минета в той же машине. А потом химчистку салона делать. (Специально для ) Глотать же их не научили. Одним словом — курицы. Сумерки были на подходе, летняя жара сменялась прохладой. Я мечтал о душе — не шутка проехать четыре часа по пеклу, хоть и с кондиционером, в брюках со стрелкой и в белой рубашке. Я повернул ключ в замке, дверь беззвучно открылась. Дома пахло свежей выпечкой — Верка любила иногда поторчать у плиты. Поставил сумку возле входа, закрыл за собой дверь, снял туфли и следом за ними носки. Уже лучше. Отправился на звук в поисках Веры — телевизор работал в гостиной. Кажется, я хотел что-то сказать, да так и застыл в дверях перед такой картиной. По телеку шла порнушка. Без жести, правда, — симпатичная девочка наглаживала себе промежность, пыталась достать языком до розовых сосков, тихо постанывала. Верка сидела на диване, и за широкой спинкой я не видел ничего, кроме ее макушки. Повернул голову вправо, в угол комнаты. Там большое зеркало. Как нельзя кстати теперь. Вера сидела, согнув ноги и раскинув их в разные стороны. Не открываясь смотрела на экран, неуверенно гладила себя через белые трусики там же, где и девка из видео.

Мне показалось на секунду, что я смог разглядеть намокшую ткань между тонких Веркиных ног. Пару минуту спустя моя девочка застонала в унисон с актрисой. Наверное, нащупала чувствительное место. Я видел, как она двигает бедрами навстречу своей руке. Сказать, что я возбужден — ничего не сказать. Машинально я сжимал вставший член через брюки, и приятные искры разлетались от паха по всему телу. Веркины соски возбужденно торчали сквозь плотную ткань белой майки. Она нахмурилась, приподняла попку и стащила с себя трусы. Аккуратно свернула их и положила рядом с собой. Я усмехнулся. И тут себе верна — аккуратистка. Конечно, я и раньше представлял себе все это. Но гнал от себя такие картинки. Мы не кровные родственники, но я жил в их с Олей доме с Веркиных четырнадцати. На мою

беду у нее рано прорезалась грудь и округлилась попка, и я часто дробил, воображая, как загоняю член между этих сочных половинок. И вот, пожалуйста, очевидно, подарком мне на завтрашнее тридцатичетырехлетие Вера исполняла сольный номер на своем, я уверен, сладком клиторе. Картинка на экране сменилась. К девочке присоединился какой-то мужик. Девочку сразу стало жаль — в отличие от меня он был какой-то весь поплывший. Несуразный. Член, торчащий строго вперед, выглядел как игровая приставка. Я гордился своим взрожденным в диетах и спорте телом. Главное, не переборщить и не стать опасным монструозным качком. Но это мне удалось.

— Эй, Верка, — я опустил руки ей на плечи, чтобы удержать на месте. Она попыталась вскочить, но против меня оказалась бессильна, — интересное кино?

— Да, — упрямо сказала она, сводя вместе ноги и пряча напряженные соски руками, — ты рано.

— Я в самый раз, — сажусь рядом с ней так, чтобы она не особо обращала внимание на мой выпирающий член. Секунду решаюсь. — Хочешь так попробовать? — киваю на телек, в котором мужик всю отлизывал девочке. Она извивалась и стонала, иногда поглядывая в камеру немного вопросительно. Справляюсь, мол? Опустился на колени перед ней, сел между ее зажатых ног. Она недоверчиво смотрит на меня, готовая убежать. Кладу руку ей на щиколотку. Не пуцу. Даже не думай, Верка.

— Если тебе не понравится, я остановлюсь, — решил играть ва-банк. Она молча развела ноги и снова согнула их. Я взял ее под попу, удобно устраивая на самом краю дивана. Верка смотрела на меня в ожидании чуда, я смотрел на Верку в ожидании сам не знаю чего. — Послушай, — гулять так гулять, — смотри на экран и говори мне обо всем, что они делают там. Будем за ними повторять, — импровизирую на ходу, хочу хоть немного отвлечь ее мозги, чтобы у них оставалось куда меньше шансов думать о побеге.

— Да, — выдыхает она, когда я наконец-то касаюсь ее мокрой дырочки, смачиваю в ней палец и веду его выше, к клитору. Нажимаю на него, как на дверной звонок. Верка вздрагивает. Так-то.

— Ау, — зову я ее, — вещай.

— Он двигает в ней двумя пальцами, — Верка заливается румянцем, — а языком лижет клитор. Ну это было просто. Два пальца в моей девочке, ее резкий вдох. Провожу мокрым языком по ее киске снизу вверх и замираю кончиком на маленькой горошине клитора. Принимаюсь лизать его, сосать, терзать. Верка громко стонет, хватая меня за волосы, отпускает, видимо, устыдившись такого низменного порыва. А потом снова хватая и притягивает мое лицо еще ближе к своей промежности. Ну куда уж ближе, милая? Я эгоистично не хочу позволять ей кончать. Знаю я девок — кончит и все, придет раскаяние и осознание. Будет плакать и краснеть, прятаться от меня в ванной весь вечер. Или всю жизнь. Ну уж нет. Ослабляю нажим языка, слегка полизываю им чувствительные места. Верка вращает бедрами мне в такт. Интересно, сколько у нее было парней?

— Верка, сколько у тебя парней-то было? — ну а что, почему б и не спросить. — Один, — моя девочка еле говорить может, — один, Ванька, мы с ним пару раз попробовали, но было больно и сухо. Больше не захотелось. Дурак ты, Ванька, — думаю про себя, а сам бросаю взгляд на экран. Сердце замирает. Девочка села на мужика спиной к нему и скачет, как на безумном родео. Мужик снова терзает ее многострадальный клитор. Верка, готова? — Слава, — она тяжело дышит, — там уже по-другому. Делаю вид, что не понимаю, о чем она. Притворно

задумываюсь, разглядев картинку.

— Ты хочешь? — спрашиваю я Верку, садясь рядом с ней и не прекращая ласкать ее руками. Верка закатывает глаза, и я наконец-то добираюсь до ее торчащий сосков. Прикусываю один прямо через майку. На ней остается влажный след от моего рта. Дую на него, а потом снова припадаю ртом. Верке надоела порча ее одежды, поэтому она стянула с себя майку и осталась совершенно голой. Я снова опустил к ее груди, теперь другой, нецелованной еще. Девочка обхватила мою голову и застонала мне прямо в ухо: — Да, я хочу так же, как они, да. Мне этого было достаточно. Сел прямо на диване, расстегнул ширинку и через кармашек на трусах вытащил готовый ко всему член. Почему-то раздеваться не хотелось. Такой контраст между мной и Веркой придавал происходящему еще больше пикантности.

— Вставай, — поторопил я ее.

Она поднялась и встала между моих ног, спиной ко мне. Я не удержался и шлепнул ее по попке пару раз. Вместо возмущенного крика услышал протяжный стон. — Нравится? — шлепаю еще раз. Верка начинает опускаться на член. Я придерживаю его рукой. К такому жизнь меня не готовила. Веркина дырочка оказалась такой узкой, что я тут же взял свои слова про «как в кино» назад. Кое-как усадив ее полностью на себя и не кончив при этом, я приказал: — Сиди смирно. Не надо как она, — мотнул головой на экран, — просто сиди. Верка села, положила руки на колени. Я бы заржал, но боялся шевелиться. Добрался рукой до ее клитора и начал снова его ласкать. Верка задергалась, заелозила попой, мне приходилось удерживать ее на месте свободной рукой, потому что пару раз она вставала так, что член почти выпадал из нее, а потом снова садилась на него. Резко. Быстро. Черт возьми. Вроде успокоилась. Можно свободной рукой наконец-то потрогать ее налитую грудь. Терзаю соски пальцами, сжимаю полушария. Замечаю, что чем сильнее сжимаю, тем громче стонет Верка.

— Нравится, когда грубо? — прикусываю ее ухо, убыстряю движения руки между ее ног. Верка протяжно стонет, всхлипывает, — да? — Да! — сквозь стиснутые зубы отвечает она. Жалею, что так совсем не удобно ее шлепать. Поэтому с двойным усердием принимаюсь за ее грудь. Член готов взорваться, но этого никак нельзя. Верка всхлипывает, и я чувствую, как начинает пульсировать вся ее киска — девочка кончает. Кончает долго, со вкусом, вжившись в меня спиной и попой. Я минуту еще тереблю ее грудь, она переводит дыхание.

— А ты? — спрашивает, поворачивая ко мне лицо. Улыбается. Что, не стыдно, Верка? — А я как-нибудь сам, — черт с ним, ладно. Сам. Верка вскакивает с меня, член шлепается мне на живот. Девочка моя показывает на экран. Там актриска не очень активно делает минет мужику, и он готовится кончить ей на грудь.

— Ты обещал как в кино, — Верка сердито смотрит и отпускается перед мной на колени. Да я разве против, счастье мое? Заглатывает член настолько, насколько может. Убираю с лица ее каштановые волосы, чтобы точно видеть, как это происходит. Как она втягивает щеки, как ходит туда-сюда ее ладошка, как член исчезает в ее горячем рту. Через пару минут она входит во вкус и сосет уже от души, не жалея себя, смачно, постанывая. Язычок бегает туда-сюда по головке. Эта ведьма поднимает на меня глаза, совершенно дурные от возбуждения. — Верка, — надо ее предупредить, а то как-то нехорошо выйдет, — я скоро кончу, подставляй сиськи. Но она лишь глубже пытается проглотить готовый взорваться член. У нее это получается, и я со вскриком кончаю ей прямо в горло. Так хорошо, что хочется сдохнуть. Девочка моя отваливается от меня и ложится прямо на пол. — Покурим? — спрашивает. Совсем страх потеряла. Смеюсь сам себе. — Покурим, — беру ее за руку, поднимаю и веду на кухню. Пою

каким-то первым попавшимся в холодильнике соком, достаю пачку сигарет из портфеля. Верка устраивается у меня на коленях, голая. Я все еще в брюках и рубашке. Мы курим молча, Верка елозит иногда, я щипаю ее за соски и улыбаюсь ее возмущенным вскрикам. Так хорошо.